

КАМЧАТСКАЯ МУЗА

В СОЛНЕЧНЫЙ день участники Всесоюзного смотра художественной самодеятельности снимали в Кремле для киножурнала. Выступал и Корякский ансамбль песни и танца.

Вокруг, как обычно в таких случаях, было много зрителей. Оказались поблизости и иностранные туристы.

— Не правда ли, любопытное зрелище? — обратился пожилой господин к спутнице. — До сих пор в СССР некоторые народы в шкурах ходят.

— Да, сэр, взгляните вот на эту, — указала она на женщину в куклянке. — Какие могут быть запросы у дикарей?

Женщина повернулась и ответила на хорошем английском языке:

— У нас как-то не принято говорить о собственном интеллекте, это может показаться нескромным. А вот о моих товарищах могу рассказать. Пожалуй, секретарь райкома Анастасия Васильевна изучает проблемы эмансипации женщин стран Юго-Восточной Азии. А это Татьяна Петровна — руководитель нашего ансамбля, заслуженный работник культуры РСФСР, основательница корякской хореографической школы.

Вспоминая тот давний эпизод, Татьяна Петровна Лукашкина не может удержаться от улыбки. Конечно, иным трудно представить преобразования, которые произошли за годы Советской власти в национальных районах, в экономике и культуре народов Севера. Яркая иллюстрация этому ее судьба — судьба простой ительменской девушки.

СОРОК с лишним лет назад Татейн Слободчикова из далекого камчатского стойбища Салпочино приехала в Ленинград, в Институт народов Севера. Ей очень хотелось стать учительницей.

В институте она была самой молодой. Веселая, общительная, быстро сдружилась с однокурсниками, освоилась с обстановкой. Много занималась, изучала русский язык, ходила в спортивный клуб. Но больше всего любила танцы.

В институте был хореографический кружок, которым руководила молодая ленинградская актриса. Она обратила внимание на ительменскую танцовщицу, вовлекла ее в кружок, помогла постигнуть тонкости танцевального рисунка, развила чувство ритма. Вот тогда-то, в тридцатые годы, родилась эта большая творческая дружба двух мо-

Сорок лет она учила детей и танцевала. Основанная ею корякская хореографическая школа дала жизнь знаменитому ансамблю «Мэнго».

лодых танцовщиц, двух Тань — ленинградки Петровой-Бытовой и ительменской девушки Тани Слободчиковой. Дружба, которую пронесли они через всю жизнь.

В те годы и возникла идея создать корякско-чукотский ансамбль песни и танца. Ядром стал хореографический кружок. Руководила ансамблем Таня Петрова, а солисткой, исполнительницей национальных танцев стала Таня Слободчикова. Ансамбль был участником первого Всесоюзного смотра самодеятельности. Выступал перед делегатами Чрезвычайного VIII съезда Советов СССР в Москве.

В 1937 году ансамбль съезда пригласили в Москву для участия в театральном фестивале. Вот тогда-то и довелось Тане встретиться с Надеждой Константиновной Крупской.

— 8 марта днем кто-то из ребят принес «Комсомольскую правду», там был мой портрет и заметка, — вспоминает Татьяна Петровна. — А вечером нас пригласили в Колонный зал Дома союзов.

Ее подвели к Надежде Константиновне. Крупская улыбнулась, взяла ее руки в свои и спросила:

— Как же тебя звать, милая?

— Татейн. — Таня, Танюша, значит по-русски? — И стала расспрашивать, как живет, учится, занимается ли спортом.

И потом, когда студентке Татьяне Слободчиковой представили слово, услышала она ласковый, ободряющий шепот Надежды Константиновны:

— Говори, Танюша, говори...

В ПЕРВЫЕ я познакомился с Татьяной Петровной в маленьком, прилепившемся к подножию сопки камчатском селе Палане в 1953 году на пленуме окружкома партии. Выступала она ярко, востановленно.

— Кто такая? — спросил я секретаря окружкома Дмитрия Георгиевича Сисюлина.

— Учительница Слободчикова, член окружкома партии, — ответил он.

А вечером, на концерте для участников пленума, я снова увидел Татьяну Слободчикову. Она исполняла танец нерпы.

К тому времени я прожил на Севере более полутора десятков лет, был на комсо-

мольской и партийной работе. И не раз удивлялся искусству нанайских, корякских, чукотских танцоров и певцов. Но то, что я увидел в Палане, поразило, очаровало, восхищало. Движения танцовщиц были грациозны, изящны — все говорило о высокой музыкальной культуре исполнительницы.

НАПРАВЛЕНИЕ Слободчикова получила в Олукскую школу. На первом уроке, превозмогая нахлынувшее волнение, подошла к столу и спросила у смуглой девочки по-ительменски:

— Ну, скажи, как тебя звать?

— Ко-кок, — ответила та. — А тебя? — обратилась она к ее подружке...

— Ко-кок, — быстро промолвила девочка и засмеялась.

— Как твоё имя? — спросила Татейн по-русски у черноглазого мальчика.

— Ко-кок... — и класс дружно засмеялся.

Сдерживая рыдания, юная учительница выбежала из класса.

Долго и терпеливо разъяснял ей начальник культбазы, старый учитель-большевик Скворцов, что «ко-кок» по-корякски — «не знаю» и что смеялись ребята не над ней, а просто так, они ведь дети.

Советская власть принесла в тундру новые разумные законы, дала оленеводу больше права, сделала его хозяином своей земли, ее богатств. Но тундра велика. В нее медленно проникали ростки новой жизни. Надо было убедить пастухов в выгоде коллективного хозяйства, освободить от влияния кулаков и шаманов. Пропагандистом новой жизни и стала молодой коммунист Татьяна Слободчикова.

ВОЙНА застала ее в средней школе окружного центра — Палане. И хотя фронт отстоял на тысячи километров, громовые раскаты войны доносились и сюда.

В эти годы погиб муж Татьяны Петровны. Ушел с вечера в море нерпу бить, а ночью ветер сменился, лед унесло в Охотское море. На руках остались двое больных малышей.

Военком в школе работал Степан Лукашкин, демобилизованный воин. Посмотрел, как мучается молодая

мать с больными детьми, забрал мальчишек в охапку — и в больницу. Группа крови оказалась подходящей. Трижды делали детям переливание. Долго в селе судачили: не пойдет впрямь русская кровь. Но мальчики выжили и поправились. Степан после этого как бы прирастать стал к семье. То дров забежит наколоть, то снег откидает. А через год стал мужем Тани. Старые люди головами качали: не к добру, мол, это — ительменка с русским пожеились... Вышло — к добру. Пятерых детей вырастили.

После войны Татьяне Петровне поручили организацию первого в округе детского сада круглогодичного действия. В табунах и стойбищах дети часто болели. Живуче было поверье: жар — это дух огня вселился в человека. Надо его выгнать — и человека зарывали в снег. Результат — воспаление легких. Вначале родители прятали детей от Лукашкиной. Приходилось Татейн подолгу уговаривать, убеждать. Потом, когда пастухи присмотрелись — чистые, веселые ребятишки в садике, поправляются хорошо, — сами стали привозить.

Большая работа под руководством областного комитета партии проводилась на Камчатке по развитию культуры народов Севера, разрыванию художественной самодеятельности. В Петропавловск съезжались многочисленные коллективы певцов, танцоров, музыкантов из всех сел. Это были великолепные праздники народных талантов. И непременно их участником была Татьяна Петровна Лукашкина.

ОСТОЯТЕЛЬСТВА сложились так, что мне пришлось переехать с Камчатки в Новгород. И мои связи с Лукашкиной оборвались. В последних письмах она сообщала, что готовится к переезду

в Корф, куда перевели мужа, что ей очень жаль покидать Палану.

Прошло несколько лет. Просматривая как-то газету «Тихоокеанская звезда», я обратил внимание на заметку, в которой сообщалось о первом корякском балете «Мэнго». Внизу — большая фотография. Вижу знакомые лица. Но среди них нет Лукашкиной. Где же она? Неужели оставила любимое дело?

И вот долгожданное письмо: «Добрый день, Леонид Тимофеевич! Жива, здорова. И все семейство здравствует. Радуюсь жизни. Трудимся, поем и пляшем. (Узнаю Татьяну Петровну! — Л. И.). Только приехала с областного смотра, готовила танцы Олукторского района. Я ведь теперь олукторская. На Камчатке снова была Т. Ф. Петрова-Бытова. Жили в одном номере. «Длинная и Короткая», — говорят о нас коряки...»

А потом вдруг Татьяна Петровна сама пожаловала. Была в Ленинграде, завернула и в Новгород.

Все такая же жизнерадостная, бодрая. И, как обычно, сразу о своем классе:

— Вы знаете, такие ребята замечательные! Их у меня 28, и всего четыре девочки. А как они чутки к ласке, ко всему прекрасному!

У нее все было замечательным: и дети, и люди, и их дела.

После длительного перерыва снова ее письмо:

«...Три дня летала на вертолете по стадам, рассказывала об итогах окружной и областной партийных конференций, я ведь член райкома. Давали концерты оленеводам. За этот год много всяких событий произошло. Участвовала в работе съезда женщин в Палане, была на слете отличников учебы и наставников. Первая получила новый паспорт, как почетная гражданка Олукторского района. Сама тоже вручала паспорта.

Работаю в районном Доме культуры, руковожу ансамблем «Молодость», хотя уже который год на пенсии и давно стала бабушкой. У меня три внучки и два внука. Ребята замечательные! Пишу второпях, просто бегом: дел невпроворот. Только что приехала с Култушино и вновь собираюсь в командировку. Вот так и живем. И юлю жуем!» Не удержалась-таки Татьяна Петровна от шутки.

К письму приложена эта фотокартонка.

Л. ИВАНОВ.

Петропавловск - Камчатский — Новгород.